

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ МАРКУСА ЗУСАКА «КНИЖНЫЙ ВОР»

Екатерина Денисовна Неткачёва

студентка 3 курса факультета филологии
Оренбургский государственный университет
460018, Россия, г. Оренбург, просп. Победы, 13
netkacheva.ekaterina.2001@gmail.com

Оксана Александровна Хрущева

к. филол.н., доцент кафедры АФимПЯЯ
Оренбургский государственный университет
460018, Россия, г. Оренбург, просп. Победы, 13
hrox@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5640-4165>
Статья поступила в редакцию 25.03.2022

В статье рассмотрена проблема танатологических мотивов в современной зарубежной литературе, в частности в произведении австралийского писателя XXI века Маркуса Зусака «Книжный вор». В ходе исследования были выявлены смысло- и сюжетообразующие функции танатологических мотивов. Автор изображает Смерть как живое существо, которое во многом схоже с человеком, вписывает ее в систему образов и персонажей произведения. Интерпретация танатологических мотивов в романе отличается динамизмом, естественностью и вариациями ярких оттенков.

Ключевые слова: мотив, танатология, танатологический мотив, мотив смерти, жизнь и смерть, художественная литература.

Термин «мотив» впервые был введён в литературоведение немецким писателем, мыслителем и философом Иоганном Вольфгангом фон Гёте в статье «Об эпической и драматической поэзии» (1797 г.). Исследователь описал устремляющиеся вперед, отступающие и замедляющие действие мотивы, а также мотивы, обращенные к прошлому и к будущему. Согласно И. В. фон Гёте, мотив – это сюжетный элемент, динамическая ситуативная единица [Гёте].

Как литературоведческая категория мотив стал активно разрабатываться в конце XIX – начале XX вв. Так, например, А. Н. Веселовский определял мотив как семантическую единицу. В работе «Поэтика сю-

жетов» учёный разграничил понятия «сюжет» и «мотив», определяя сюжет как комплекс мотивов, а мотив – как его составную часть. Из этого следовало, что из мотива может сложиться основной сюжет произведения. Таким образом, по определению А. Н. Веселовского, «мотив – устойчивый формально-содержательный компонент текста, способный повторяться в пределах творчества одного писателя, а также в контексте мировой литературы в целом» [Веселовский 1989: 305]. Наряду с указанным семантическим подходом в литературоведении также представлены морфологический, дихотомический, тематический, прагматический подходы к пониманию мотива. В рамках данной работы мы придерживаемся точки зрения Б. М. Гаспарова, который акцентировал внимание на смыслообразующей и динамической функциях данной категории: «некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте» [Гаспаров 1994: 30].

В литературоведении существует множество типологий видов мотивов: библейские, античные, фольклорные и так далее. Целью данной работы является рассмотрение танатологических мотивов в произведении австралийского писателя Маркуса Зусака «Книжный вор».

Проблема смерти как одно из основных направлений бытийственного самоанализа рассматривалась и разрабатывалась в рамках философских школ Сократа, Эпикура, Августина Блаженного, Г. В. Ф. Гегеля и других. Во второй половине XIX–начале XX вв. это понятие стало использоваться и в естественных дисциплинах, в том числе в медицине, благодаря результатам исследований выдающихся учёных И. Мечникова, Г. Шора, И. Шмальгаузена, Р. Айзенберга, С. Грофа, и других. Постепенно данная сфера стала интересной представителям гуманитарного знания, где среди приверженцев стоит назвать, например, таких исследователей, как Ж. Бодрийяр, К. Гутке, А. Демичев, П. Гуревич, О. Суворова, В. Багдасарян и других.

«Современная наука о смерти – танатология – междисциплинарна и охватывает многие области знания» [Красильников 2015: 8]. Однако смерть человека настолько фантастична и таинственна, что при ее изучении естественные науки не являются приоритетными, а наоборот – «на передний план выходят гуманитарные дисциплины, которым приходится постоянно заниматься проблемами иррационального и ирреального характера, в том числе литературоведение» [Там же].

Танатологические мотивы могут занимать значительное место в тексте, быть значимым компонентом сюжета, оказывающим существенное воздействие на его развитие.

«По отношению к простому здравому смыслу смерть изначально может показаться очевидным событием, которое совсем не требует от человека никаких дополнительных рассуждений и никакого углубленного самокопания. Ведь смерть, по сути своей, это естественный финал всего живого, включая и жизнь человека» [Field 1997: 110]. Тем не менее, «будучи отрицанием жизни, которая как раз является носителем «здорового смысла», смерть выступает как нечто таинственное, загадочное, уничтожающее все: и человека, и бытие, и все иное, которое невозможно передать только словами» [Ibid]. Таким образом смерть является тем, с чем каждому человеку в любом случае необходимо сталкиваться, брать в рассуждение и помнить об этом хотя бы потому, что она когда-нибудь «оборвет и его собственную жизнь» [Тыщенко 2020: 251].

Проблема классификации танатологических мотивов в литературе в настоящее время окончательно не решена. Существует несколько типологий, которые могут оказаться продуктивными при анализе конкретных произведений.

«Специфической именно для танатологических мотивов является классификация, согласно которой они группируются в зависимости от природы смерти» [Тыщенко 2020: 252]. Это в первую очередь естественная смерть, которая является результатом старости, болезни или несчастного случая. «Она не зависит ни от воли самого умирающего, ни от намерений других людей» [Там же: 253]. Во-вторых, это насильственная смерть, подразделённая на две группы – убийство и самоубийство. «Все они связаны с определенными типами персонажей и отличаются различной мотивацией убийства, которое может быть криминальным или легитимным (война, казнь)» [Там же].

Австралийский писатель Маркус Зусак является «литературным феноменом» современности как один из самых изобретательных авторов XXI века. Огромное влияние на становление М. Зусака как писателя оказали рассказы его родителей, эмигрантов из Австрии и Германии, переживших Вторую Мировую войну. В основу содержания романа-бестселлера «Книжный вор» (The Book Thief, 2005) вошли рассказы его матери о нацистской Германии и о бомбежках Мюнхена. Один из основных мотивов произведения – смерть, ставшая объектом исследования ряда отечественных и зарубежных авторов в аспекте когнитивной лингвистики [Kissova 2009], перевода [Распутина 2019], нарратологии [Gipson 2017; Johnson 2015] и иных направлений.

Смерть, главный герой книги, от лица которого ведётся повествование, – это одушевленное существо мужского пола, которое бессмертно и всевидяще: «A SMALL PIECE OF TRUTH I do not carry a sickle or scythe. I only wear a hooded black robe when it's cold. And I don't have those

skull-like facial features you seem to enjoy pinning on me from a distance. You want to know what I truly look like? I'll help you out. Find yourself a mirror while I continue» [Zusak 2007: 4]. Его служба заключается в том, чтобы переносить души умерших «на конвейер вечности». Ему запрещается общаться с живыми, однако он нарушает это правило и знакомится с одной девочкой, «книжной воришкой». На протяжении всего действия романа герой сталкивается с девочкой три раза: впервые – когда умирает её брат; во второй раз – забирая душу летчика, который разбился недалеко от неё, и третий – после того, как завершилась чудовищная бомбежка города.

Люди, встречаясь со смертью лицом к лицу, испытывают разные чувства, но в основном – страх, смятение, отчаяние. Ведь нельзя быть к этому готовым. Всегда есть дела, которые люди ещё не успели завершить на Земле, родные, которые ждут их дома. Но есть и те, кто к этому готов: «Those souls are always light because more of them have been put out. More of them have already found their way to other places» [Ibid: 212]. Они встречают смерть героически, не боясь отправиться в иной мир: «His soul sat up. It met me. Those kinds of souls always do – the best ones. The ones who rise up and say «I know who you are and I am ready. Not that I want to go, of course, but I will come» [Ibid: 212].

Каждого умирающего Смерть встречает с теплотой, она принимает их души в свои объятия, «целует их щёки», смотрит на их прекрасные лица и провожает на небеса: «Please believe me when I tell you that I picked up each soul that day as if it were newly born. I even kissed a few weary, poisoned cheeks. I listened to their last, gasping cries. Their vanishing words. I watched their love visions and freed them from their fear» [Ibid: 139].

Особенно ярко в романе представлена тема борьбы жизни со смертью. Когда люди отчаянно пытаются ухватиться за земное бытие с его болями, страхами, трудностями и страданиями, но все-таки счастьем осознавать, что ты ещё можешь что-то изменить. Что ты жив, ты существуешь, а значит всё возможно. Порой люди до конца своих дней так и не начинают ценить то, что имеют, а на смертном одре, столкнувшись лицом к лицу со смертью, полностью пересматривают своё отношение к жизни: «I always wonder what people are capable of, especially when streams flow down their faces, and they stagger and cough, go forward, search and find» [Ibid: 139]. Однако, в конце пути смерть неизбежна: «The underprivileged try to always be on the move, as if changing places can help in some way. They do not understand that at the end of the journey they will be waiting for an old trouble in a new guise – a relative, whom they hate to kiss» [Ibid: 139].

Удивительно сходство в описании человека и смерти в произведении. Так, например, Смерть в романе – глубокомысленное создание, у которого так же, как и у людей, есть сердце и душа, но с небольшим отличием: «A human doesn't have a heart like mine. The human heart is a line, whereas my own is a circle, and I have the endless ability to be in the right place at the right time. The consequence of this is that I'm always finding humans at their best and worst. I see their ugly and their beauty, and I wonder how the same thing can be both. Still, they have one thing I envy. Humans, if nothing else, have the good sense to die» [Ibid: 196]. В отличие от людей, Смерть видит всё. В каждом человеке он угадывает и хорошее, и плохое, что его очень удивляет, ведь это две противоположные черты характера, казалось бы, не сочетающиеся друг с другом: «I wanted to explain that I am constantly overestimating and underestimating the human race – that rarely do I even simply estimate it. I wanted to ask her how the same thing could be so ugly and so glorious, and its words and stories so damning and brilliant...I AM HAUNTED BY HUMANS» [Ibid: 218]. Более того, человек всегда может умереть, избавив себя от страданий, а Смерть нет.

Таким образом, роман Маркуса Зусака «Книжный вор» интерпретирует Смерть как живое существо, которое во многом схоже с человеком. Оно имеет человеческое лицо, и, если нужно узнать, что же такое смерть, стоит лишь заглянуть в глубину своей души. «You want to know what I truly look like? I'll help you out. Find yourself a mirror while I continue» [Ibid: 4].

От смерти не убежишь, так же, как и от самого себя, а потому не стоит этого бояться, ведь рано или поздно каждому человеку придётся с этим столкнуться.

Подводя итог, хотелось бы отметить актуальность проблемы исследования. Прежде всего танатология как наука о смерти важна и интересна своей таинственностью и неизведанностью. Людям не хватает ни сил, ни энергии для того, чтобы изучить этот вопрос до конца, так как природа человека – одна из главных загадок человечества. А пока учёные будут пытаться ответить на главный вопрос жизни и смерти, эта проблема будет отражаться и в литературе. В частности, в «Книжном воре» М. Зусака мотив смерти в большей степени представлен как естественный процесс, однако события, которые происходят в романе, а именно: нищета, голод, бесконечные бедствия и скитания евреев, – всё же влияют на его характер, приобретая оттенки насилия и безысходности. Краски, которыми писатель украсил свое произведение, были выбраны по определённому принципу – автор причислил образ смерти к живому существу, которое способно слышать, видеть и чувствовать мир, таким, какой он есть. Танатологические мотивы в анализируемом

нами произведении не являются стереотипными, а переходят в новую категорию, неоднократно доказывая, что смерть не всегда есть темный, серый цвет, но также за ней может скрываться светлое начало. Смерть у М. Зусака – это переход из одного тёмного царства в другое более красочное, с вариациями оттенков.

Список литературы

Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 300–306.

Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. 303 с.

Гёте И. Об эпической и драматической поэзии. М.: Художественная литература, 1980. URL: https://royallib.com/book/gete_iogann/ob_epicheskoj_i_dramaticheskoy_poezii.html (дата обращения: 20.03.2022).

Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. М.: Языки славянских культур, 2015. 488 с.

Мотив в литературе. Проблема определения понятия. Myfilology.ru – информационный филологический ресурс. URL: <https://myfilology.ru/137/motiv-v-literature-problema-opredeleniya-ponyatiya/> (дата обращения: 23.03.2022).

Распутина И. С. Особенности использования лексико-грамматических трансформаций при переводе монологов смерти в романе М. Зусака «Книжный вор» // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. С. 987–989.

Тыщенко Р. А. Танатологические мотивы в литературоведении: Актуальные проблемы гуманитарного образования / Материалы VII Международной научно-практической конференции. Редколлегия: С. А. Важник (гл. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 251–257.

Field D. Death, Gender and Ethnicity. London: Routledge, 1997. 90 p.

Gipson E. M. A Close Encounter with Death: Narration in Markus Zusak's The Book Thief. The University of Southern Mississippi, 2017. 36 p.

Johnson S. K. Pain, Death, and Nazis: The Surprisingly Beautiful Function Death Plays as Narrator in Markus Zusak's The Book Thief, 2015. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/studentpub/128/> (дата обращения: 23.03.2022)

Kissova M. The concept of death in children's and juvenile literature: Reading and interpreting death in The Book Thief by Markus Zusak // Re-Imaging death and dying. Brill, 2009. P. 57–67.

Zusak M. Book Thief. London: Black Swan, 2007. 560 p.

THANATOLOGICAL MOTIVES IN THE NOVEL “THE BOOK THIEF” BY MARCUS ZUSAK

Ekaterina D. Netkachyova

3d year student, Philology Faculty
Orenburg State University
460018, Russia, Orenburg, ave. Pobedy, 13.
netkacheva.ekaterina.2001@gmail.com

Oksana A. Hrushcheva

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology and Methods
of the English Language Teaching Department
Orenburg State University
460018, Russia, Orenburg, ave. Pobedy, 13.
hrox@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>
Submitted 25.03.2022

The article considers the problem of thanatological motives in modern foreign literature and namely in M. Zusak's *Book Thief*. The study revealed that thanatological motives provide for the content and plot development of the novel. M. Zusak depicts Death as a living creature similar to humans, including it into the system of images and characters. Thanatological motives interpretation is dynamic, natural and bright in multiple shades.

Key words: motif, thanatology, thanatological motif, motif of death, life and death, fiction, novel.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Неткачева Е. Д., Хрущева О. А. Танатологические мотивы в романе Маркуса Зусака «Книжный вор» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2022. № 14 (20). С. 53–59. doi 10.17072/2304-909X-2022-14-53-59

Please cite this article in English as:

Netkachyova E. D., Hrushcheva O. A. Tanatologicheskiye motivy v romane Markusa Zusaka «Knizhnyy vor» [Thanatological Motives in the Novel “The Book Thief” by Marcus Zusak]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2022, issue 14 (20), pp. 53–59. doi 10.17072/2304-909X-2022-14-53-59